

ДАВНЫМ-ДАВНО это было. Отец предложил маленькому сыну прогуляться перед обедом в лесу, раскинувшимся за дачным поселком. И мы отправились.

Был изумительнейший летний полдень с деревьями, раскрашенными жарким солнечным цветом. В воздухе пахло сказочным целебным настоем — травой, хвоей, цветами... Нескончаемые мелодии выводила невидимая лесная живность. С первого шага отец и сын позабыли обо всем на свете, кроме этого поистине волшебного леса. Отец на ходу сочинял какие-то невообразимые истории, действие которых происходило в дремучих чащобах на неведомых островах. Учил примечать в замысловатой коряге живое фантастическое существо, затаявшееся среди густых папоротников. А еще он по пути декламировал стихи, и эхо подхватывало:

*Островитяне, встаньте на колени —
Богатства корабля сошли на берег...*

Лет тридцать уж прошло со дня той прогулки-путешествия, а в памяти она сохранилась как одно из самых ярких воспоминаний. Должно быть, не случайно. До сих пор чувствую, как от отца будто исходили мощные токи, несущие неповторимое ощущение раскрепощенности и свободы, целиком поглотившее маленького мальчика. Познаваемый мир был целостным и прекрасным. Прогулка превратилась в путешествие, и мы стояли на берегу у мутных вод канала имени Москвы, словно у кромки безграничного Мирового океана...

Впрочем, все хорошее когда-нибудь кончается. Вылазка наша изрядно затянулась, да и заплутались мы среди полян-перелесков и бесконечных дачных поселков. К дому возвращались уже затемно, предполагая некоторую сумятицу и бучу домашних, но... Столь торжественной встречи не ожидали.

По краю леса ходили люди, размахивающие факелами (карманные фонари в подмосковных деревнях тогда еще были не очень-то в ходу), и казалось, что людей этих тьма-тьмущая. А лес будто сотрясало от разноголосых призывных «ау», звучащих на все лады. Словом, вершилось столпотворение вавилонское на весь дачный поселок и ближайшую деревню. Еще бы: артист с мальчиком пропали.

Вот тогда-то пропавший было артист вздохнул и заговорщицким тоном изрек: — Эх, вырвались!..

Его фраза словно пересказала все наше путешествие. В ней звучал восторг встречи с неброской российской природой. Звучала приметная ирония по поводу нашего несколько конфузливового финала. И, конечно же, намек на продолжение.

Так получилось, что слова эти стали нашим тайным паролем на долгие-долгие годы. «Эх, вырвались...» — значит пробовал сделать что-то важное, доброе и прекрасное. Быть может, это и не получилось так, как замыслил. Значит, начнешь сначала и постараешься добиться своего. Фраза, прозвучавшая во время давнишней летней прогулки, не осталась только милым домашним ритуалом. В ней навсегда сохранилось ощущение неистребимой внутренней свободы человека. Подлинной свободы личности, которая в моем восприятии навсегда слилась с образом отца — артиста Бориса Федоровича Андреева.

Впрочем, таким он воспринимался многими. В жизни, в творчестве. И в этом, наверное, была изрядная доля истины. Постепенно сложился и устойчивый стереотип — «имидж», как сейчас сказали бы. Могучий, от сохи, из самой глубины. Богатырь российский. Многие увлеклись сложением красочного образа экзотичного волгара, обогатившего экран мощной фигурой и зычным голосом. К такому представлению вела долгая дорога.

Первые осознанные жизненные шаги были куда как далеки от высокого искусства, творчества. Трудное время, насытые края саратовские. Молодым парнишкой Борис Андреев пришел на комбайностроительный завод, чтобы получить профессию. Стал учеником слесаря-электрика.

Порою отец с мягкой иронией вспоминал о тех временах. Тогда чуть ли не заветной юношеской мечтой было раздобыть банку сгущенки да килограмм чайной колбасы. Устроиться где-нибудь в укромном уголке и слопать все целиком...

— И знаешь, что самое обидное, — замечал он, вспоминая, — эта заветная мечта так и не исполнилась. Когда появились возможности, она потеряла всякий смысл. Впрочем, все это из области воспоминаний-анекдотов, которых в судьбе каждого артиста, наверное, немало. Главным в юности все же было другое — то, что медленно, но верно, порою мучительно вело артиста на крутую гору искусства.

Учеба в Саратовском театральном техникуме. Любимый педагог — мастер Иван

9 ФЕВРАЛЯ НАРОДНОМУ АРТИСТУ СССР, ЛАУРЕАТУ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРЕМИЙ БОРИСУ ФЕДОРОВИЧУ АНДРЕЕВУ ИСПОЛНИЛОСЬ БЫ 75 ЛЕТ. ЭТО БЫЛ ИСТИННО НАРОДНЫЙ АРТИСТ, КОТОРОГО ЗНАЛА ВСЯ СТРАНА. ЛЮДИ ЛЮБИЛИ ЕГО ГЕРОЕВ, ЩЕДРО НАДЕЛЕННЫХ ИМ ВСЕМ ТЕМ, ЧТО ВКЛАДЫВАЕМ МЫ В ПОНЯТИЕ «РУССКИЙ ХАРАКТЕР». ТАКОВ БЫЛ ОН САМ — ДОБРЫЙ БОГАТЫРЬ С ШИРОКОЙ ДУШОЙ И ОГРОМНЫМ ТАЛАНТОМ.

«ЛИТЕРАТУРНАЯ РОССИЯ» ПРЕДЛАГАЕТ ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ ВОСПОМИНАНИЯ ОБ АРТИСТЕ, НАПИСАННЫЕ ЕГО СЫНОМ КИНОКРИТИКОМ БОРИСОМ АНДРЕЕВЫМ.

Артемович Слонов, блестящий театральный актер, сумевший навсегда привить своему ученику любовь к русскому классическому наследию, к драматургии, к живописи...

В домашнем кругу Борис Федорович не часто вспоминал о своих студенческих театральных студиях. Но в памяти о юности, в отношении к мастеру было у него что-то неприкосновенное и святое, доходившее до разумного благоговения. Не разменивал он память на слова. И это было еще одно качество большого художника. Из юности, славившей школу профессионального актерского мастерства, вынес он и необычайную серьезность отношения к своему труду.

Вообще работал постоянно и помногу. Ежели были простои — что-то читал, конспектировал для себя. Чаще всего труды по философии и психологии — они были его особым увлечением, пронесенным через всю жизнь. Когда же начинались съемки, отец, казалось, забывал обо всем, старательно трудился над ролью, ни на минуту не расставаясь с тетрадами и блокнотиками, куда своей рукой переносил из сценария необходимые тексты. Такая была у него профессиональная манера.

Его знали и любили многие. Быть может, даже не одно поколение зрителей. В самых разных уголках страны, иногда за ее пределами. Я был как-то необычайно удивлен, когда в далекой Монголии, в самой ее глубинке, доволно молодой парень с восторгом вспоминал про того самого Назара Думу, который одной рукой трактор переворачивает...

Любовь зрителя сладка, дорога актеру. Но как часто распространяется она лишь на одну сторону творчества, продолжая укреплять дорогой сердцу «имидж» любимца. Такая цепочка сложилась и в творческой биографии отца, беря начало от первых его работ. «Трактористы», «Большая жизнь», «Два бойца», «Большая семья», «Илья Муромец»... Реже вспоминались другие звенья — роли, не менее дорогие сердцу актера, ставшие этапными в творческой биографии. «Оптимистическая трагедия», «Путь к причалу», «Мое дело», «Дети Ванюшина»... Зрелый Андреев сильно отличался от юного удалца, во многом противоречил зрительским пристрастиям. Некоторые образы казались критике чуть ли не проходными, о картинах почти не писали, упоминали лишь вскользь, создавая творческий портрет артиста.

У меня же с годами сложилось убеждение, что не было в его биографии проходных ролей. Думается, неповторимая сила андреевского дарования состояла прежде всего в том, что ему, как никому другому, удалось создать объемный собирательный образ русского человека. Об-

ОБ ОТЦЕ

раз на редкость жизненный, конкретный и одновременно по-былинному всеобъемлющий.

Какой бы фильм мы сегодня ни посмотрели — увидим: артист живет на экране страстями своих героев. Чем более зрелым становится его дарование, тем глубже он проникает в сущность образа, теснее сливается с ним. Каждая роль артиста говорит о том, что он в совершенстве владеет высочайшей техникой перевоплощения.

Но был в его творчестве один удивительный парадокс — в каждой роли он был узнаваем, всегда ему удавалось оставаться самим собой. Однако узнаваемость эта была совершенно особого рода. Растет и мужает с годами человек. Сменяются заботы, приходит глубокий жизненный опыт. Так рос и старел со своими героями артист. Целый ряд образов, созданных им, сливался как бы в одну гигантскую роль, открывая перед нами могучий образ советского человека, формирующегося со своей страной и живущего ее радостями и тяготами...

Вспомню и еще об одном качестве отца, которое тоже казалось мне одним из определяющих в его натуре. Оно, кстати, позволяло избежать подчеркнута трагических тонов, которые порой неизбежно намечаются в судьбе и творчестве практически каждого крупного художника. Это умение философски емко и одновременно иронично осмыслить окружающую тебя действительность.

Ярче всего это качество проявилось в последние годы, когда отец увлекся сочинением афоризмов. Афоризмы эти стали его особым делом, а ни в коей мере не досужим увлечением артиста, решившего вдруг потешить себя, а может, при случае и почтеннейшую публику неким околотворческим творчеством. Он вообще терпеть не мог всякие околодеяния. Его записи были органичной частью творчества, присущим ему способом выражать, часто в гротескной форме, весьма глубокие мысли. Вообще же отец постоянно общался с пером и бумагой. Сколько я помню, он всегда что-то записывал. Чаще для себя. Это могли быть конспекты заинтересовавшей его книги, просто заметки на полях любопытной статьи, тексты его выступлений, рассказы, наконец — афоризмы.

В тетрадах, на клочках бумаги и пустых сигаретных пачках рождался мир особых образов, персонажей, страстей и страстишек:

«Две вдохновенные личности с восторгом смотрели на дубовую рощу: одна видела в ней доски и бочки для выпольнения плана, другая — природу творческого вдохновения».

«Укротитель засунул голову в пасть

белого медведя, и всем стало ясно, насколько животное умней и великодушней».

«Каждый пьяница непременно стремится к философствованию, но это вовсе не означает, что основное занятие пьяницы философия».

«Змея — хоть символ мудрости, а за советом к ней ходить не рекомендуется».

«Петух без усталости разгребал навозные кучи, а вся дворовая птица нервничала — а вдруг действительно найдет жемчужное зерно».

«Посаженный на высокое для него дерево, он еще кое-как каркал, а вот взлететь не мог».

«Иногда, обыкновенно когда все ложилось спать, хозяин титулованного пса одевал ошейник с золотыми и серебряными медалями».

«Бабка Евдокия Шишигина придумывала сказки и присказки, басни и побасенки. Поэт Амфибрахий научил ее основам литературного творчества, после чего бабка написала сразу же экспозицию и экспликацию и уже больше потом не писала ничего».

«Я всегда искал легкий хлеб, поэтому жизнь моя была невыносимо тяжелой».
«Писатель поставил глубокую проблему — читатель начал плавать и захлебываться в ней».

«Если дом твой дерьмо — никто не поверит твоим урокам домоводства».

«Пегаасы вначале брыкались, но вскоре привыкли к силосу и вот теперь уже стали воспевать его».

«Полный назад! — заорал Кормчий с присущей ему дальновидностью. — Мы налетели на собственную цель!»...

Работая, он мечтал, что афоризмы его сложатся в странную повесть под названием «Суета сует», которая откроется словами: «Главное не в том, чтобы найти истину, а в том, чтобы суметь превратить ее в средство побеждающей доброты». Но судьба полагала по-иному. Как-то отец вернулся из очередной командировки и вдруг неожиданно заболел. Мать срочно вызвала меня с работы тревожной вестью: папу забирают в больницу.

У подъезда стояла пара медицинских спецмашин, а по квартире, уставленной кардиографами и какими-то хитрыми приборами, расхаживал в белых халатах целый консилиум врачей, укрепленный медсестрами и санитарями: тогдашнее руководство Союза кинематографистов помогло организовать «саму Кремлевку» — рядовому народному артисту всех этих спецпривилегий не полагалось.

Бафэ — так часто звали отца домашние и близкие друзья — сидел на кровати уже одетый, сонно щурясь, ждал отправки. С собою он собрал рабочую тетрадь для записи афоризмов, очки и ручку. Он сидел и ждал, а мне все казалось, что вот сейчас он так знакомо вздохнет и скажет наш заветный пароль: «Эх, вырвались!»

И было 24 апреля восьмидесят второго года, чудесная погода, славное настроение. Дело, кажется, шло на поправку: накануне нам позвонили из лечебницы и сообщили, что состояние Бориса Федоровича значительно улучшилось и его даже перевели из отделения интенсивной терапии в обычное.

Мы сидели с матерью в его палате и болтали о всякой всячине, предвкушая скорую встречу по-домашнему. Когда собиравались уже уходить, отец вдруг спросил:

— Как вы думаете, почему это я лежал на площади у врат храма, а вокруг было много-много народа?

— ...
— Ай, — он по-особенному, как только ему присуще было, досадливо отмахнулся рукой, — должно быть, приснилось. Ерунда какая-то.

Сколько ни отговаривали, он настойчиво вызывался нас проводить — хотя бы до коридора. Огромный и добрый, стоял, заслонив дверной проем, и глядел, как мы уходили. Нет, не мы. Тогда от нас уходил он.

...На исходе пасхальной недели отца хоронили. Шли последние минуты прощания. Гроб с телом русского артиста установили перед входом в церковь Большого Вознесения, что на Ваганькове. Отчаянно светило солнце. Вокруг собрался народ. Многие плакали.

А в тетради, которую Борис Федорович брал с собой, все же осталась запись. Последняя и по-старомодному чуть торжественная. Казалось, человек непременно хотел поставить точку в финале работы, над которой он столько трудился и столько иронизировал:

«С первого человеческого шага начинается большая дорога, к осмыслению которой ты должен прийти в конце пути».

Борис АНДРЕЕВ